

Лики народной культуры

Родоначальники русской мифологической школы, опираясь на данные языка и духовной деятельности, установили восходящую линию преемственности в развитии народной культуры: язык – миф – фольклор – литература. Однонаправленна ли эта цепочка преемственности? Или она, следуя закону спиралевидного исторического развития, может разворачиваться в обе стороны, не нарушая общего движения? Очевидно, с последним необходимо согласиться, так как и на новых исторических рубежах мы наблюдаем не только доживание, но и воспроизводство архаичных форм мифа и разнообразных фольклорных жанров, всевозможное явление возврата чуть ли не к первобытному синкретизму. Современные эстрадные действия (во дворцах ли, на стадионах, на лужайках или полянах) убедительно демонстрируют эти явления возврата, вулканические выбросы иррациональной энергии масс, объединенных общим стремлением к самовыражению (энергии, нередко стимулируемой алкоголем или наркотиками).

Мы излишне жестко определяем временные границы и социокультурные уровни, в рамках которых зарождаются и бытуют различные жанры словесности: миф и фольклор отдаем древности, безымянной и неграмотной народной массе, а литературу – новым временам и персонально выделенному, образованному автору. А между тем едва ли не каждый крупный писатель обращается к фольклору и мифу. С другой стороны, «темный» народ истово тянулся к образованности и верил книге ничуть не меньше, чем былинам и сказкам.

А что же такое народ сегодня? В дореволюционные времена эта субстанция была обозримой и ясной: крестьянство и низовой рабочий люд города, необразованное население, живущее культурным самообслуживанием и бесписьменным словом. А в советские годы – это «единая общность» людей, население не правящее, а руководимое, но уже грамотное (от ликбеза до вуза), хотя и не до конца оторвавшееся от полуязыческой обрядности и фольклора, создающее нечто похожее на фольклор под руководством прикомандированных массовиков-затейников (частушки, песни, новины, легенды и т.п.). Но можно ли говорить о народе в наши дни распада и распада, стремления каждого «жить по-своему, на особицу» (Ф.Абрамов)? Что такое народ по определению? Как он функционирует в пространстве бытия и культуры? Осознает ли себя народом, то есть силой, творящей историю и культуру? Вопросы эти отнюдь не преждевременны, они требуют принципиального и фундаментального рассмотрения, что возможно только по мере возрождения нашего народознания, достигшего наивысшего расцвета к концу XIX века, но насильственно прекращенного штурманами революционной бури на рубеже 20-х – 30-х годов. Десятилетия «организованного упрощения культуры», а затем культурная разруха 90-х годов обернулись невиданной деградацией и одичанием, реализацией принципа «все дозволено», мыльными пузырями постмодернистской эклектики и устрашающим «новоязом», утратой национального лица. Так называемая низовая культура вероятно упростилась и огрубела, обрела разрушительный характер, а порой и вовсе исчезла, уступив место демонстративным физиологическим отправлениям.

Но, как говорят, достигший дна вынужден подниматься наверх. В самые последние годы тенденции разрушения и распада начинают ослабевать, появляются слабые признаки духовного и культурного возрождения. Роль запевалы в этом процессе взяла на себя бардовская песня, многочисленные самодеятельные ансамбли в провинции. Их широкое распространение – акт сознательного сопротивления духовной смерти и культурному опустошению. Авторская песня –

это своеобразный внутренний регулятор культуры, симптом ее самоорганизации перед угрозой глобального рока и постмодернистской эстрады. Не будь громко сказано, но это начатки культурного возрождения нации, противостояние нивелирующим, разрушительным силам вседозволенности, бездуховной капитализации. «Мы сейчас живем в смутное время, – говорит В.Князев. – Время революционное, страшное, беспощадное, но будет оздоровление». Для него, как и для А.Ефремова, оставаться в стороне сейчас, когда «молодежные сообщества становятся все более неуправляемыми», когда «молодежь становится все более агрессивнее», позорно. Задушевное песенное слово барда подает руку падшим, уводит из криминальной подворотни, из озлобленной секты. Всенародные бардовские фестивали, убежден В.Князев, – это «новая религия России, исцеление души народа». По сути, о том же размышляет и П.Халтурин: «Молодежь наша зомбирована ультрасовременной музыкой, и бардовская песня пока в проигрышном положении. Силы неравны, но бороться всем нам надо». С.Сыноров уверен, что «авторская песня – глубоко русское явление. Это песня, где музыка играет второстепенную роль, где важнее слово и интонация. Душа русского человека так устроена, что она ярче реагирует именно на слово». Впрочем, другие барды утверждают обратное: первостепенно значение мелодии, музыки, которая и без слов доходит до сердца каждого. Споры тут неизбежны, потому что ни бардовские тексты, ни их музыкальный багаж не исследованы.

Авторская песня – в некотором роде заповедник, куда, кажется, не ступала нога критика. У служителей этого заповедника всегда наготове адвокатские аргументы: барды, мол, не профессионалы, а любители, они ведь не для академической сцены пишут, а для простой публики – попеть на застолье, у костра, в дружеской компании. Усыпленные этими аргументами, критики поворачивают назад, на свои академические участки. А не пора ли преодолеть это небрежение и даже высокомерное отношение профессионалов и всерьез заняться авторской песней как явлением?

Следует разобраться, низовая ли это культура, намеренно избегающая высокого суда? или некий провинциальный вариант столичной эстрады? или новоявленное народное творчество, преодолевшее былую безымянность? И самое первое, с чего необходимо начать изучение, это максимально добросовестное собирание текстов, их систематизация и публикация. Все, что не выдержит критики, отпадет и забудется, а подлинное и существенное останется как документ эпохи. Никто не знает и не может сказать, какой именно должна быть авторская песня, но если в ней есть «что-то», всякий это почувствует и примет в сердце.

Должны ли предъявляться к авторской песне такие же требования, как к обычным стихам? По сути своей и по характеру песня забывчива на хозяина, и чем скорее он забывается, тем она популярнее. Кто помнит ныне авторов знаменитых песен, давно ставших как бы народными? Песня тянется в круг, ко всем и каждому, а если ее поет только один человек (Леонтьев ли, Пугачева или Распутина), то перед нами скорее не песня, а синтетическое действо, спектакль, представление, где актер соперничает с певцом и всевозможными спецэффектами. Бардовская песня называется авторской скорее по происхождению, чем по бытованию. Она не эгоистична, легко подстраивается под любой голос и ситуацию, что нередко достигается ценой досадных потерь в ее словесной оснастке.

О чем же поют наши барды? Чаще всего о том, о чем не скажешь обыкновенными словами и прямыми смыслами, это сны и мечты души, радужные видения невозможного, но как бы сбывшиеся, невнятный говор сокровенных пережива-

ний, какое-то подобие современного мифа, в котором можно плыть, как в дирижаблике, во все стороны света одновременно. Некоторые определяют внутреннюю установку современной авторской песни как утопию. Вряд ли с этим можно согласиться, ибо утопия требует определенной системы взглядов, четкой политической ориентации, образно-композиционной упорядоченности, а в бардовской песне многое возникает из полунамёков и теней, где «я» и мир пребывают в состоянии поэтично-музыкальной гармонии.

*Светло на душе – как грехи отпустили,
Неведомо кто, но простил, не вина. (П.Вегин)*

Отличается ли бардовская песня от фольклорной лирической? Последняя шлифовалась веками, в ней каждое слово многократно испытано и соотнесено с типичными переживаниями и судьбами людей, в ней нет ничего случайного и произвольного. Бардовская же песня как бы выхвачена из горячего процесса творения, в ней много непроверенного на других, она далека от символической завершенности народной песни. Метафорические изыски и туманности, вряд ли частые в фольклорных текстах, порождены в бардовской песне авторским зудом, стремлением выделиться, блеснуть словом или оборотом, вступить в ряд признанных: «империя весны», «свернем к весне», «белый храм весна», «ошибка посевшая пора», «обнаженные годы», «душа шестиструнная», «осень, осень, ты моя императрица» и т.д.

С другой стороны... Песня-то авторская, но порой в ней нет ничего авторского, индивидуального: эмоциональная и смысловая невесомость, расхожие обороты, штампы, вялые, обвисающие строчки. Нет в них ни драматической судьбы, ни неизбывной печали, ни порывистой радости, а ведь у многих бардов такие сложные, такие пестрые, обжигающие судьбы – куда это все девается? В своем гражданском бытии и миропонимании они глубже и серьезнее, чем в текстах песен.

Соединить судьбу со словом, а слово с музыкой – вот что предстоит нашим бардам. Решение этой задачи будет для них пропуском в современную культуру, оправданием своего места на всенародной эстраде...

В. Акаткин